

Гуаньинь изначально пребывала в прекрасном расположении духа.

В конце концов, мне лично можно было поручить измерить бедствие Путешествия на запад и самой разобраться в конкретных деталях.

Это было не только доверие Татхагаты к самой себе, но и признание ее статуса Линшаном.

Она приехала в династию Тан, полная надежд, подарила Цзинь Чанцзы рясу и оловянный посох с девятью кольцами, а затем рассказала ему о пользе буддизма Махаяны.

Он не мог ничего сделать, кроме как умолять себя? Надеяться ли, что можно дать тысячам людей в династии Тан путь к жизни? Пусть он пойдет в Хэотянь Далеиньсы, чтобы получить истинное писание?

Но реальность жестко ее отрезвила.

Проблуждав по династии Тан три дня, я даже нигде не видела Цзинь Чанцзы.

Бедствие вот-вот начнется, и тайна небес становится все более непредсказуемой. Можно было только предположить, что через три дня на улице Чанъяня произойдет столкновение с Цзинь Чанцзы.

Чтобы привлечь внимание второй стороны, она даже придумала несколько слов.

Есть пять тысяч таэлей парчовой рясы и две тысячи таэлей оловянного посоха с девятью кольцами.

Если встретишь кого-то, кому оно предназначено, не можешь ничего взять у него.

Идея прекрасна, но реальность часто бывает жестока.

В настоящее время даже людей Цзинь Чанцзы не видно, а все тело плохо пахнет, и оно превратилось в ситуацию, когда все требуют избиения.

«Как и ожидалось, это кропотливая работа с Запада. С первого взгляда можно сказать, что он нехороший человек».

Люди видели, что глаза двух мужчин были полны высокомерия и снисходительности, что вызвало гнев у окружающих людей.

Как будто их монахи были выше других, глядя на себя так, словно глядели на муравьев, действия толпы стали еще более безжалостными.

«Ваше величество, давайте раскроем нашу истинную личность».

«Если так пойдет и дальше, то ваша репутация будет испорчена».

Видя, как собирается все больше и больше людей, мальчик больше не мог этого выносить.

Все смертные вернутся в прах одним ударом. Когда они когда-нибудь терпели такое унижение?

«Подождите минутку, сейчас не время».

Я еще не видела Цзинь Чанцзы, не смогла поспорить с Цзинь Чанцзы и не дала глупым

смертным узнать о величии буддизма Линшан, так как же я могу так просто появиться?

Разве это не значит, что Гуаньинь будет подавлять других только при возникновении проблем?

«Что ее чрезвычайно расстроило, так это почему император династии Тан постановил, что монахи не могут продавать вещи в частном порядке?»

«Разве это не полное мошенничество? Какое отношение это имеет к нему, чтобы покупать вещи для себя?»

Если бы не тот факт, что другая сторона все же была в чем-то полезна и ему все еще нужно было ее рекламировать, чтобы вернуть писание, я бы уже тысячу раз убил его во сне.

«Императорский мастер здесь!»

Внезапно кто-то крикнул, вытолкнул Цзян Юйляна из толпы и подтолкнул его прямо к Гуаньинь.

Один был одет в фиолетово-золотую рясу и имел мягкое лицо, а другой был кислым и вонючим, как нищий. В один миг возник резкий контраст.

«Национальный дивизион?»

Сердце Гуаньинь заволновалось. Почему император династии Тан не действовал по плану? В моем сердце возникло беспокойство.

Она не подозревала, что принц Тан был разбужен Цзян Юйляном и давно пронзил ее.

«Национальный мастер? Кажется, неплохо. Это поможет больше популяризировать буддизм Линшан».

«Мастер, вы вежливы, вы монах с Запада?»

«Почему продают рясы и оловянные палки?»

«Вы знаете, насколько важны рясы и дзенские посохи для монахов?»

Увидев, как Гуаньинь тупо смотрит на него с превосходным выражением лица, Цзян Юйлян чуть невольно не захотел ударить его.

Вы стали монахом, почему вы должны быть такими благородными? Разве вы не знаете, что монахи едят еду сотен семей и живут благодаря благотворительности верующих? Он все еще здесь для шоу.

«Бедный монах это, конечно, знает».

Сутана символизирует буддийскую веру, а посох дзэн — стремление к познанию Будды.

Цзян Юйлян видел, как легко ему идти по пути, и тайно вздохнул, что коэффициент интеллекта этих отрешенных бессмертных и Будд действительно вызывает беспокойство. Как они могли не заметить столь простые языковые ловушки?

Откуда ему было знать, что Гуаньинь сходила с ума от Цзинь Чанцзы в эти дни.

Более того, в этот момент она была зла, высокомерна и повсеместно хвалима. Могла ли она подумать, что кто-то выроет для нее ловушку?

Она так легко в нее попала, а мальчик, превратившийся в маленького монаха-новичка, постоянно подмигивал ей.

«Ха-ха, ты такой дикий монах. Ты можешь даже продать свою веру и свое желание молиться Будде ради денег. Кажется, ваши западные монахи не преуспевают».

Чэн Яоджин беспечен, но это не значит, что у него нет мозгов. Даже он может легко понять подтекст. Кто бы мог подумать, что этот высокомерный бодхисаттва на самом деле может попасть в ловушку?

Уважение к бессмертным и буддам в моем сердце снова немного уменьшилось.

Такой мозг? Это нормально для него, чтобы трахнуть его.

Оказывается, так называемые бессмертные Будды ничем не отличаются от простых смертных — без головы и рук. Кроме более высокого статуса они выглядят глупо, и в них нет никакой разницы.

Если бы Гуаньинь знала, что думает Чэн Яоджин, она бы точно выплюнула три литра крови.

«Сутана бедного монаха стоит пять тысяч таэлей, а жестяной посох с девятью кольцами — две тысячи таэлей».

«Если вы встретите кого-то, кому суждено, вы не сможете ничего у него отнять».

Гуаньинь, которая была в такой ярости, внезапно поняла, что ее чувства были похожи на то, как ребенок вроде Цзинь Чанцзы вырыл яму для себя.

«О? Два сокровища стоят семь тысяч таэлей? Мастер действительно бодхисаттва».

«Учитель, пожалуйста, не поймите меня неправильно. Жестяной посох с девятью кольцами в рясе бедного монаха ценен, потому что это сокровище. Есть причина, по которой он ценен».

Наденьте мою рясу, чтобы не попасть в реинкарнацию.

Возьмите в руки мой жестяной посох, и яд вам не навредит.

Затем он распахнул рясу, и тут же вспыхнул ослепительный свет, и бесчисленные драгоценные камни замелькали, что действительно ослепило глаза бесчисленного множества людей.

Увидев это, Цзян Юлян тоже сделал глубокий вдох, это такое хорошее сокровище.

«Ну как? Стоит ли моя сутана пять тысяч таэлей?»

Будучи спровоцированной этими двумя словами, Гуаньинь забыла свои первоначальные слова и продолжала выставлять напоказ, как рыночный торговец.

«Ваше Величество, эта ряса действительно хорошая вещь. Как насчет... »

Чэн Яоджин сделал вид, что собирается действовать, но Тан Ван сурово посмотрел на него.

«Монахи не лгут. Сутана в руках мастера действительно является сокровищем».

«Но никто не может себе позволить пять тысяч таэлей».

Если честно, Цзян Юлян был в искушении, но у него были свои планы, поэтому он не мог допустить, чтобы это испортило большое дело.

«Ха-ха».

«У бедного монаха есть несколько вопросов, которые он хотел бы задать Императорскому Учителю. Если он поможет мне ответить на мои вопросы, почему бы не подарить ему в дар парчовую сутану и жестяной посох с девятью кольцами?»

Заметив одержимый взгляд в его глазах, Гуаньинь наконец-то нашел свой смысл существования и вздохнул, что это был идеальный план в его сознании.

«Учитель, эта ряса действительно необыкновенная. Я куплю ее и подарю вам».

Как император, он видел бесчисленное множество сокровищ, поэтому ценность рясы, естественно, не требует пояснений. Любой, кто понимает, может сразу понять ее ценность.

«Ваше Величество, я ношу рясу в пять тысяч таэлей. Разве это не пять тысяч таэлей для ходьбы? Ты пытаешься убить меня».

Цзян Юлян быстро остановил порыв Тан Вана, встал перед ним, сложил руки и посмотрел на Гуаньинь с праведным видом на лице.

«Как бедный монах, каким образом ему суждено жить с таким драгоценным сокровищем?»

«Разрешение сомнений исключено. Мы можем обсудить буддизм друг с другом, а о сокровищах не должно быть и речи».

Люди вокруг увидели, что Имперский Учитель не соблазнился сокровищами другой стороны, а наоборот привержен своему сердцу, что заставило их восхищаться им еще больше.

Это гораздо лучше, чем некоторые монахи, которые не только думают, что они благородные, но и пахнут медью.

Вокруг было много разговоров, никто не хотел его заглушать. Лицо Гуаньинь на мгновение побледнело.

«Неужели этот Цзинь Чаньцзы глуп?»

«Ты не хочешь такое драгоценное волшебное оружие?»

В моем сердце тоже вспыхнул огонь.

Если бы его поместили в доисторические времена, сколько людей боролись бы за его голову.

«Великий Учитель достоин быть Великим Учителем Небесной Династии и истинным Буддой. Интересно, знает ли Великий Учитель Махаяну?»

Гуаньинь больше не скрывается и не прячется, а указывает прямо на истинное сердце Цзинь Чаньцзы.

Если бы это был оригинальный Цзинь Чаньцзы, он бы определенно был привлечен его Махаяной.

Но кто он сейчас? Это беззаконный Цзян Юйлян. Он даже не знает, что такое буддизм. Как он может говорить о буддизме Махаяны?

<http://tl.rulate.ru/book/107610/3915562>